
TOM II

ГЛАВА I

Союзники в Варне и высадка в Крыму

1

Хотя уже 12(24) марта 1854 г., т. е. за пятнадцать дней до формального объявления войны России, Наполеон III повелел образовать «восточную армию» и тогда же назначил ее главным командующим маршала Сент-Арно, но только в июне эта армия оказалась на Дунае и только в июле начала военные действия.

Несколько раньше стал искать неприятеля соединенный англо-французский флот, уже 4(16) января крейсировавший в Черном море и поддерживавший сношения между Константинополем и Варной.

О том, что делалось на Черном море, в Севастополе, в главной квартире Меншикова, и как рисуют документальные свидетельства его поведение и настроение его приближенных весной и летом 1854 г. до высадки союзников, мы будем говорить в дальнейшем. Здесь достаточно пока сказать, что вплоть до июня Меншиков ничего не успел или, точнее, не сумел сделать для серьезной защиты русских берегов.

«Мне приходится здесь готовиться к отпору французских и английских десантов», — пишет Меншиков графу Гейдену из Севастополя 4 марта 1854 г.¹ Но на самом деле ни к чему он ни в марте, ни в апреле, ни в мае не готовился.

Уже 2(14) апреля 1854 г. началась переписка об эвакуации правительственных учреждений из Одессы в один из внутренних городов Новороссийского края. Все черноморские близлежащие порты (вроде Николаева) оказались в непосредственной опасности². Но дело в течение всего апреля и мая почти и не вышло из стадии переписки. К счастью для России, морская разведка у союзников была не налажена, и они не знали, где им полезней всего начать нападение.

Адмирал Франции,
морской министр Франции
Фердинанд Альфонс Гамелен
(1796–1864)

С момента проникновения союзного флота в Черное море в опасности оказался город Керчь. Для обороны ее почти ничего не было сделано, и вице-адмирал Серебряков еще в середине апреля 1854 г. жаловался, что керченский градоначальник продолжает ничего не делать и все ждет предписаний³. А между тем значение Керчи было громадно: каботажное торговое плавание, имевшее базу в Керчи, кормило всю крымскую армию и войска северной части Кавказского побережья⁴. Неприятелю еще весной 1854 г. ничего не стоило

налететь на почти беззащитную Керчь, овладеть всеми судами в бухте и увести их прочь. Но первой пострадала не Керчь, нападение на которую могло бы в самом деле быть в тот момент очень выгодным для союзников, а Одесса. Случилось это совершенно неожиданно.

9(21) апреля английский паровой фрегат «Тигр» доставил адмиралу Дандасу, командиру британской эскадры, находившемуся в Галлиполи, официальный документ — объявление английской королевой войны России. Спустя несколько часов французский корабль «Аяччио» доставил французскому адмиралу Гамелену послание императора Наполеона III к сенату, содержащее объявление войны России. Гамелен знал, как императорское правительство в Париже ждет победоносных бюллетеней, и давно уже горел нетерпением, не теряя времени, напасть на русские суда или гавани. Но Дандас не торопился, да и вообще, пока союзная армия еще не высадилась в Варне полностью, незачем было, с английской точки зрения, начинать.

Однако Гамелену очень повезло: именно англичане и дали ему нужный предлог для начала военных действий. В тот самый день, когда в союзном флоте было получено официальное известие об объявлении войны России, в гавань Галлиполи прибыл из Одес-

сы английский паровой фрегат «*Furious*», который был туда командирован, чтобы забрать английского консула.

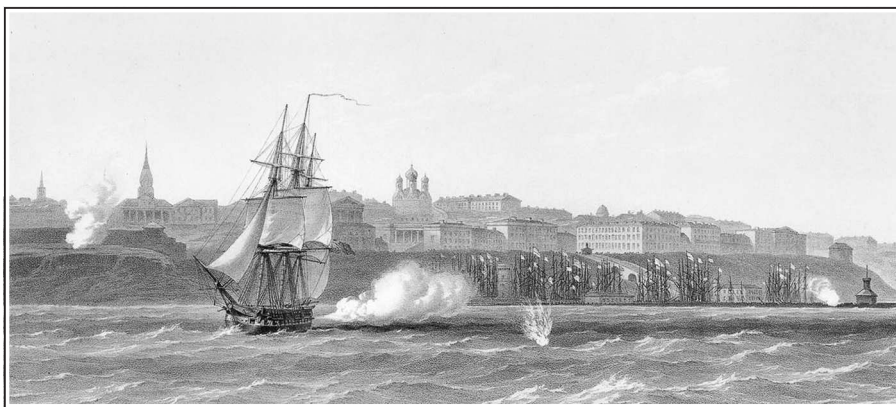
Капитан фрегата доложил немедленно адмиралу Дандасу, что русские не уважают парламентаров и что 8(20) апреля они стреляли в опущенную с фрегата шлюпку, шедшую под белым флагом и имевшую на борту офицера, посланного для переговоров. Капитан Уильямс Лоринг забыл прибавить, что эта шлюпка без всяких препятствий подошла к молу, где парламентару и было сообщено, что консул уже уехал из Одессы.

После этого шлюпка отправилась вполне благополучно обратно. Но затем, так как фрегат приходил не только за консулом, но и с целями некоторой разведки, то он направился к линии береговых батарей, после чего и были даны два предостерегающих выстрела, никакого вреда никому не причинивших. Бессмысленность и бесцельность приписываемого одесским властям преступления против международного права были так очевидны, что на донесение Лоринга, конечно, не было бы обращено ни малейшего внимания, если бы оно не подоспело удивительно кстати. Гамелен прежде всего обиделся за английского парламентаря; Дандасу не оставалось ничего другого, как тоже обидеться. Телеграмма Гамелена в Париж морскому министру гласила, что Гамелен откроет военные действия против Одессы, «чтобы потребовать у властей этого города репараций за возмутительное нападение портовых батарей на английский фрегат и английскую шлюпку, шедшую под парламентарским флагом». Приказ снаряженной против Одессы англо-французской эскадре гласил, что ей поручается блокировать одесскую гавань и «тщательно обследовать ее подступы».

Девять французских судов 8(20) апреля вечером уже стояли перед Одессой. Спустя несколько часов подошло еще три паровых фрегата, отправленных к ним на подмогу из Балчика⁵.

Адмирал, лорд Адмиралтейства
сэр Джеймс Уитли Динс Дандас
(1785–1862)

Бомбардировка Одессы британскими и французскими кораблями
10 (22) апреля 1854 года.

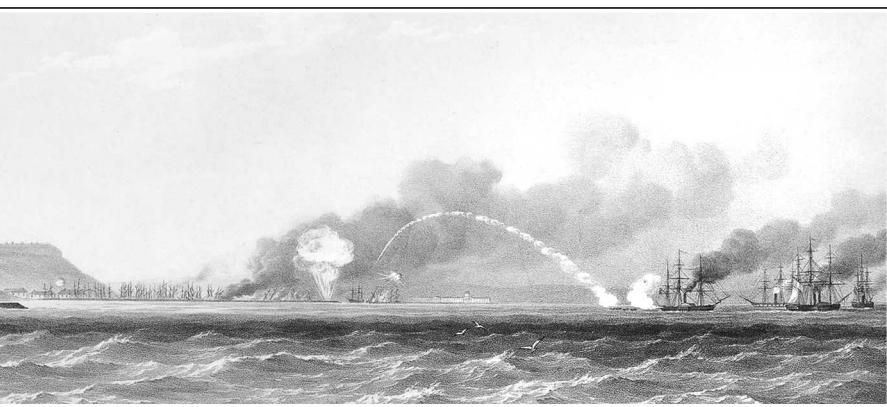
Литография по рисунку очевидца. 1855 г.

Состав английских судов, принявших участие в экспедиции, был значительно больше французского.

По русским показаниям, к Одессе подошла соединенная англо-французская эскадра из шести линейных (трехдечных) кораблей, тринадцати (двухдечных) фрегатов и девяти пароходов. Эскадра стала в трех километрах от города.

На другой день с утра город Одесса был объявлен на осадном положении. В четыре часа дня к начальствующему войскам барону Д. Е. Остен-Сакену явился парламентар и от имени адмирала Дандаса и адмирала Гамелена потребовал выдачи всех находящихся в гавани русских судов, а также судов (торговых) английских и французских. Остен-Сакен объявил, что на такое дерзкое требование он и отвечать не станет.

На следующий день, 10(22) апреля, в 6 часов утра девять неприятельских пароходов (один 54-пушечный, восемь других большей частью 32-пушечных) подошли к берегу и начали бомбардировку. Огонь был направлен на батареи, большинство которых были так слабо вооружены, что не могли отвечать на огонь неприятеля. На самом конце Практического мола стояла 6-я, или так называемая левая батарея, которая одна только приняла активное участие в борьбе. Начальствовал там прапорщик Щеголев. У него было всего четыре орудия, из которых одно было скоро подбито, другое

было так поставлено, что его амбразура препятствовала обстрелу судов, когда они заняли позицию. Его батарее обстреливали восемь пароходов и линейный винтовой корабль. Батарея Щеголева была приведена к молчанию после шестичасовой перестрелки. Стоявшие недалеко русские суда были объаты пламенем. Щеголев и состоявшие при батарее фейерверкеры и рядовые вели себя в течение этих часов неравного боя с необычайным мужеством. Затем неприятель отрядил несколько пароходов к предместью Пересыпи и к Практическому молу, очень близко от берега. Канонада направилась на суда, стоящие в Практической гавани, и на дома в Пересыпи. Попытка высадки (по-видимому, разведчиков, потому что производить десант не предполагалось) не удалась и стоила неприятелю нескольких жертв; было несколько убитых и раненых и с русской стороны.

В общем обстрел продолжался около двенадцати часов, после чего неприятельские суда отошли к своей позиции⁶.

11(23) апреля неприятельская эскадра снялась с якоря и ушла в море. С русской стороны утверждали, что три парохода и один линейный корабль из числа принимавших участие в бомбардировке получили некоторые повреждения.

Действительно, французские фрегаты «Вобан» и «Сампсон», даже и по французским показаниям, получили повреждения от каленых ядер. Но главная потеря ждала эту эскадру впереди. Корабли и фрегаты, составлявшие эскадру, которая бомбардировала Одессу, крейсировали некоторое время поблизости, производя

«Вид пожара английского парохода-фрегата “Тигр”, перед взрывом его, в виду стоящих вне выстрела двух отбитых английских пароходов у дачи Картаци (близ Одессы) 30 апреля 1854 года».
«Русский художественный листок». 1854 г.

порученную им разведку, — и 30 апреля (12 мая), застигнутый туманом, сел на мель близ Одессы один из лучших английских паровых фрегатов «Тигр». Отчаянные усилия экипажа спасти фрегат остались совершенно тщетными.

Русские быстро доставили артиллерийские орудия на берег и расстреляли фрегат. Экипаж сдался в плен, фрегат сгорел дотла.

Принимая во внимание ничтожные, с военной точки зрения, результаты бомбардировки Одессы, должно признать, что союзная эскадра заплатила потерей «Тигра» несоразмерно высокую цену за удовольствие, доставленное парижскому повелителю, состоявшее в опубликовании невероятно пышного бюллетеня об одесской «победе». Гамелен сигнализировал адмиралу Дандасу следующее: «Мы живо чувствуем потерю “Тигра”, это также и для нас национальное несчастье»⁷.

Заметим к слову, что несколько пожаров, вызванных в одесской гавани, и уничтожение щеголевской батареи даже парижская пресса не сумела все-таки раздуть в большую победу, несмотря на первоначальные попытки сделать это. Что касается Англии, то в Лондоне были летом 1854 г. очень недовольны обоими адмиралами, действовавшими в русских морях. Чарльз Нейпир после бесплодных прогулок по Балтийскому морю отошел от Кронштадта «к возмущению всего флота». Адмирал Дандас, бесплодно

постреляв по Одессе, тоже перестал подавать признаки жизни, — и газета «*The Press*» укоряла Дандаса, что он только то и знает, что молится. «Замечательное дело, — пишет в своем дневнике лорд Мэмсбери, — из двух адмиралов, командующих флотом, один в Черном море, а другой в Балтийском, один постоянно молится, а другой — постоянно ругается, и только в одном они оба сходятся: ни тот ни другой не сражаются»⁸. Но с конца июня и с начала июля с напряженным вниманием оба союзных правительства начали следить за действиями своих сухопутных войск, оказавшихся наконец в Варне, в турецкой Болгарии, в непосредственной близости от еще не совсем покинувшего территорию Дунайских княжеств неприятеля.

2

Как уже было упомянуто, еще 12(24) марта 1854 г. Наполеон III подписал декрет, повелевавший сформировать особую восточную армию, главнокомандующим которой был назначен маршал Сент-Арно. Эта армия, постепенно перевозившаяся, прибыла в восточные воды к середине июня в составе четырех пехотных дивизий, одной кавалерийской и 7 батарей (из них три пеших, три конных, одна батарея горных гаубиц и ракетной батареи), а также особого полевого артиллерийского парка. В общем в армии числилось к началу военных действий около 40 000 человек. Сверх того, был сформирован осадный парк из 24 пушек, 12 гаубиц и 22 мортир. Для обслуживания осадного парка было назначено семь рот. Посадка на суда началась 24 марта (5 апреля) 1854 г. Первая высадка армии произошла в Галлиполи. Только к концу мая французские дивизии стали переправляться в Варну. Но в начале июня переправлено было лишь три дивизии, потому что четвертая (под начальством генерала Форе) отправлена была в Афины, чтобы обеспечить Турцию от грозившей ей войны со стороны греков. Только 27 июня (9 июля) Форе со своей дивизией сел на суда, чтобы отправиться в Варну. Таким образом, французы появились на Дунае, когда русская армия уже начала уходить оттуда. Вообще же часть французской восточной армии осталась в Галлиполи и в Константинополе. Оба главнокомандующих, маршал Сент-Арно и лорд Реглан, опередили свои армии и уже в начале мая встретились в Константинополе.

С именем маршала Сент-Арно связана самая начальная стадия военных действий французской армии в Крымскую войну.

В газетной корреспонденции Карла Маркса (в «*New York Daily Tribune*» от 24 июня 1854 г.) мы читаем: «Теперь нельзя пройти по улицам Лондона, чтобы не увидеть толпу, стоящую перед патристическими картинами, на которых изображена интересная группа “трех спасителей цивилизации”: султан, Бонапарт и Виктория». Маркс приглашает читателей ознакомиться с портретом генералиссимуса, маршала Сент-Арно⁹. Долги, кутежи, сомнительные финансовые проделки, безобразные в моральном смысле поступки — все это было известно всем, следившим тогда за карьерой Сент-Арно. И с моральной точки зрения поименованные в иронических кавычках Марксом правители не могли избрать генералиссимуса хуже маршала Сент-Арно.

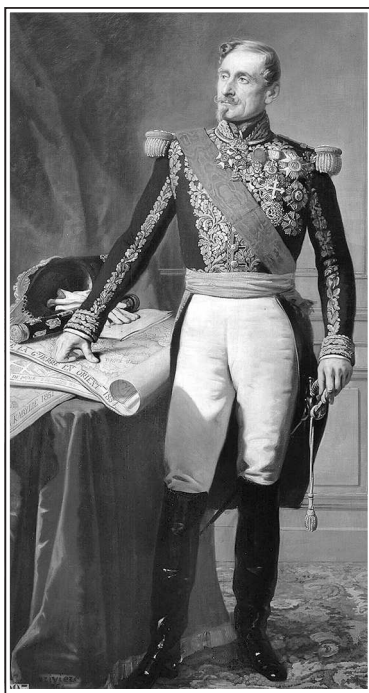
Нам нужно тут лишь отметить черты его ума и характера, выявившиеся за последние месяцы его жизни, которая оборвалась через несколько дней после первой битвы с русскими в Крыму, куда он перевез свою армию. Вглядимся в эту по-своему любопытную фигуру военного хищника, кондотьера XIX столетия и колониального завоевателя.

Маршал Сент-Арно провел бурную, гульливую, буйную, приключенческую жизнь. Не было злодеяния, перед которым он остановился бы, наслаждений, которых он не испытал бы, опасности, перед которой отступил бы, человека, которого пожалел бы. Он воевал очень долго в Алжире, служил в африканском «Иностранном легионе», арабов за людей никогда не считал, своим подчиненным позволял грабить их и убивать при малейшем сопротивлении и сам грабил и убивал, но и расстреливал своих солдат беспощадно за малейший признак неповиновения с их стороны. Это было единственное, чего он не прощал им. Его отряд головорезов, воспитанных им же, получил не только у арабов, но и французов название «адской колонны». Арабов ему случалось (например, в Шеласе, в 1845 г.) загонять массами в пещеры и потом лишать их жизни поголовно, впуская в пещеры дым. Но при этом Сент-Арно, следует заметить, всегда скромно оговаривался, что является лишь подражателем и продолжателем генерала Пелисье, которого из товарищеской корректности не хотел лишать авторской славы и первенства в этом открытии: Пелисье впервые измыслил

и пустил в ход этот прием при умирении Дахры (там же, в Алжире) на год раньше.

Луи-Наполеон, умевший выбирать нужных ему людей, вызвал Сент-Арно в 1851 г. во Францию из Африки и затем назначил его военным министром. Готовя переворот 2(14) декабря, принц-президент хотел иметь полную уверенность, что его военный министр, если понадобится, снесет Париж с лица земли. Сент-Арно выполнил все, на что рассчитывал его повелитель, — и кровавая бойня 4(16) декабря, учиненная над безоружной толпой на Больших бульварах, вызвала полное одобрение сверху: без этого происшествия переворот 2(14) декабря был бы как-то не полон, так как и 2 и 3 декабря прошли почти без кровопролития и Франция еще недостаточно была терроризирована. Та-

ков был человек, который с самого начала восточных осложнений не переставал мечтать о poste главнокомандующего действующей армией. Маршал Сент-Арно был талантливым военачальником, зорким, энергичным, быстрым и удачливым в решениях, лично бесстрашным. Он до такой степени нуждался в острых ощущениях, что не пропускал и в мирное время ни одного большого пожара в городе, если таковой был поблизости, участвовал в тушении, рисковал жизнью. В нормальной жизненной обстановке он чувствовал себя ненормально. Очень уж широко он пожил, железный организм свой вконец надломил, жег свечу с двух концов и в 57 лет оказался на краю могилы. Он домогался поста главнокомандующего потому, что без войны, без новых приключений жизнь ему казалась просто противной. Знал ли он, что ему жить осталось

Ш.-Ф. Ларивьер.

Портрет маршала Франции
Армана Жака Ашиля Леруа
де Сент-Арно.

1854 г.

всего несколько месяцев, или окружающим только казалось, что он это так уж твердо знает, но Сент-Арно торопился изо всех сил поскорее устроить порученную ему императором восточную армию и повезти ее на Дунай. Денег после переворота 2(14) декабря он получил сколько угодно: Наполеон III в этом отношении вполне походил на своего дядю и тоже умел щедро награждать дееспособных своих слуг. Маршальский жезл Сент-Арно также получил. Теперь, в 1854 г., ему хотелось лишь одного: опять испытать кровавую потеху и все наслаждения, которые она ему всегда давала и без которых он долго обойтись не мог; хотелось успеть показать себя не в войне с арабами в Африке или с какими-то презренными штатскими на парижских бульварах, а в схватке с войсками величайшей империи, в войне против русского царя.

В начале апреля 1854 г., вскоре после назначения Сент-Арно главнокомандующим французской армии, в Париж прибыл его английский коллега, только что назначенный главнокомандующим английской армией, лорд Реглан, и 11(23) апреля представился императору в Тюильрийском дворце и познакомился с маршалом Сент-Арно. Трудно представить себе двух людей, до такой степени ровно ни в чем не сходных, как этот честный, тупой, массивный, прямолинейный, медлительный и в мышлении и в движениях английский аристократ, весь век соблюдавший и шаблон морали, и шаблон церковной веры, и шаблон светского быта, и вообще все шаблоны, принятые в его касте, и вне их не живший и не мысливший, — и французский маршал, выходец из мелкобуржуазных низов, авантюрист и кондотьер по натуре, никогда не останавливавшийся даже перед границами уголовной наказуемости, человек быстрой сметки и очень тонкого чутья. Сент-Арно весь век провел на войне, — а лорд Реглан, с тех пор как потерял руку, 25 лет от роду, в битве при Ватерлоо в 1815 г., не видел ни войны, ни лагеря и в военном деле смыслил очень мало, назначен же был преимущественно за свой аристократизм. Сент-Арно мгновенно понял нехитрого лорда, и на первых же порах, правда уже не в Париже, а когда они оба прибыли в Турцию, попытался его обмануть. Был деликатный вопрос, над которым Сент-Арно стал задумываться уже давно: кому будет подчиняться Омер-паша? То есть: войдет ли турецкая армия в состав французской или английской, или будет самостоятельной? Маршал Сент-Арно решил поступить с лордом Регланом так, как он привык поступать при переговорах

с шейхами арабских племен, т. е. поставить его перед совершившимся фактом, и если факт еще не совершился, то солгать, что он совершился. Это всегда сильно облегчало дело. Поэтому он сообщил Реглану, что Омер-паша будет подчинен ему, маршалу Сент-Арно. Но тут он ошибся. Он упустил из виду, что при лорде Реглане находился посол Англии лорд Стрэтфорд-Рэдклиф. Реглан имел одно хорошее свойство: вовремя отстраняться и предоставлять, где нужно, говорить за него более бойким, чем он сам. И он предоставил лорду Стрэтфорду объясниться. Стрэтфорд ласково, дипломатически свел к нулю эту попытку Сент-Арно. Тогда Сент-Арно предложил другое: чтобы главное командование было объединено и чтобы все три армии — английская, турецкая, французская — подчинились тому из трех главнокомандующих, который старше в чине. А так как, случайно, именно он, Сент-Арно, маршал и поэтому старше чином, чем Реглан и Омер-паша, то уж он, так и быть, согласен стать их начальником. Но и это не вышло.

Лорд Реглан показал маршалу инструкцию, полученную им от британского кабинета: инструкция повелевала лорду Реглану подчиняться исключительно британскому военному министру и никому более.

Стрэтфорд, до сих пор, всю осень, всю зиму, всю весну 1853–1854 гг. энергично боровшийся всеми мерами против французского посла Бараге д'Илье за власть и влияние в Турции, вовсе не желал уступить первенство французам. Он и впредь упорно отстаивал Реглана и Омер-пашу от всех покушений со стороны Сент-Арно умалить их власть.

Портрет фельдмаршала
Фицроя Джеймса Генри Сомерсета,
барона Реглана.

*Гравюра В. О. Бёрджеса
по портрету Э. Мортон. 1854 г.*

Совершенно неожиданно для Реглана Сент-Арно вдруг заявил, что он не намерен немедленно же ехать с армией в Варну и оттуда выступить на помощь Омер-паше и особенно осажденной и явно близкой к гибели Силистрии. Причиной было, во-первых, незавершенное устройство экспедиционной французской армии, а затем нежелание начинать действовать, пока английский корпус полностью не доставлен в турецкие воды. А так как французская армия была больше английской, то, несмотря на все ухищрения Стрэтфорда-Рэдклифа, в конечном счете в ходе военных действий воля маршала Сент-Арно являлась решающей. Задержка продолжалась около двух недель.

В течение конца мая и всего июня французские и английские войска перевозились на транспортных судах из Галлиполи и из Константинополя в Варну, высаживались в порту и распределялись в городе и в окрестностях. 66-летний грузный, однорукий лорд Реглан, 40 лет уже не видевший войны, вполне подчинялся в это время маршалу Сент-Арно во всем, что касалось организации варнинского лагеря. Фактически очень большое значение в английском лагере принадлежало начальнику кавалерии лорду Лэкзну, который был и моложе Реглана на 11 лет, и энергичнее, и гораздо больше смыслил в военном деле, чем его начальник.

Так казалось во время стоянки в Варне. После битвы под Балаклавой, как увидим в своем месте, это перестало казаться.

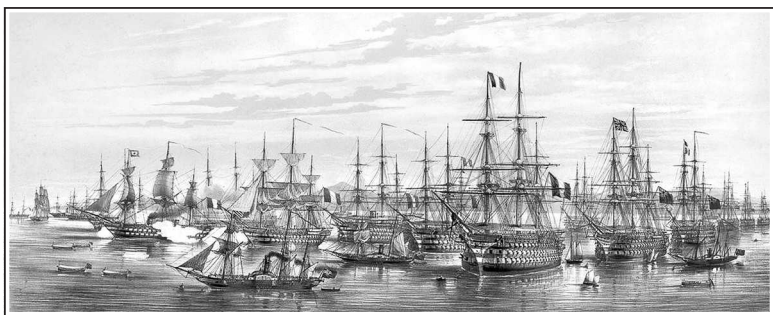
3

Уже к первым числам июля Сент-Арно считал, что в Варне и около Варны у него вскоре будет около 50 000, а у лорда Реглана — около 20 000 человек.

Расположившись лагерем в Варне и в ближайших к Варне селах и деревнях этой части Болгарии, союзники уже с самого начала почувствовали себя далеко не в дружественной обстановке. Болгары в своей массе сочувствовали русским, а не союзникам, пришедшим укрепить турецкое владычество в Болгарии и на всем Балканском полуострове. Французские источники говорят о *«слепо́м фанатизме болгарского населения, который возбуждался темными прои́сками»*, другими словами, — русской пропагандой. *«Фана-*

тизм» заключался в том, что если болгары не очень хорошо знали, какого рода результаты даст им русская победа, то зато они вполне отчетливо представляли себе, как отзовется на них победа турок, которым помогать и прибыли Сент-Арно с Регланом. Начались неприятности с вопроса о перевозочных средствах. Хотя союзники предлагали за работу хозяину одного вола и одной телеги в день три франка, т. е. примерно в пять раз больше обычной цены, да еще притом, независимо от платы, кормили весь день и волов и погонщиков, — но болгары упорно не шли на эту соблазнительную приманку. Тогда Сент-Арно, привыкший за свою долгую карьеру в Африке не очень церемониться с гражданским населением, приказал силой захватить («удержать» — *«retenir»*, как он деликатно выражается в одном донесении) 800 болгар с их волами и телегами. Но хотя их «стерegli не спуская глаз (*étroitement gardés à vue*)», однако с посредственным результатом: в первую же ночь 150 болгар (из числа этих 800 арестованных) бежало, бросив и волов и телеги, а другие стали «разбивать свои телеги или поджигать их, чтобы они не могли служить для транспортирования наших припасов», — пишет маршал. Все это болгары проделывали, рискуя попасть под расстрел.

Правда, кроме болгар, в Варне были и турки и (в малом, впрочем, количестве) валахи и молдаване. Но турки так упорно не желали работать, по наблюдению французов, что могло показаться, будто Коран запрещает им это, а валахи и молдаване не работали вследствие лени, хотя и стремились к вечеру получить три франка. Приходилось, побившись бесплодно с турками и молдаванами, снова обращаться к коренному населению — болгарам, которые умели работать, любили работу, но не желали помогать союзникам своих господ и притеснителей; приходилось снова «задерживать» озлобленных болгар и «стеречь» их... Взаимоотношения между самими союзниками и в армии и во флоте портились не по дням, а по часам. Это началось уже давно. Когда обе эскадры стояли в Безике, положение стало настолько напряженным, что об этом заговорили в Европе. Прусский генерал фон Герлах, сидя в Берлине, знал и об этих ссорах в Безикской бухте, и о том, что Франция уже опасается наперед, что уничтожение русского флота будет слишком выгодным для англичан¹⁰. Затем, в апреле-мае 1854 г., в Галлиполи, где жилось довольно голодно и неудобно, французские офицеры не скрывали своего неприязненного взгляда на роль Ан-

Английские и французские корабли в Безикской бухте.
Литография из французского альбома «Восточная война». 1856 г.

глии. «Сердились на англичан, которые нас завлекли в это большое предприятие. Офицеры обеих наций не встречались и не искали встреч один с другим...»

«...Англия нам послала лишь вспомогательный корпус...», — пишет французский офицер, правдивый и искренний свидетель, Шарль Боше о пребывании в Галлиполи¹¹. Раздражала французов и неслыханная для них, африканских вояк, избалованность англичан в пище и во всем обиходе, и стремление английского начальства сваливать тяжелую работу по укреплению галлиполийского порта исключительно на французов, и слишком скромные размеры фактического участия англичан в походе. Дальше, под Севастополем, эти взаимные неудовольствия еще усилились: англичане очень хорошо замечали эту враждебность своих «союзников» и обижались. 5 июля 1854 г. Омер-паша прибыл в Варну, и Сент-Арно устроил парад французским войскам. «Нам рекомендовали кричать: “Да здравствует Турция! Да здравствует Англия!” Но этот приказ слабо выполнялся и мало одобрялся». Чувству французской армии эти приветствия не отвечали нисколько, потому что Турция нравилась тогда французам так же мало, как и Англия. «Будучи свидетельницей слабости Турции, ее глубокого упадка, наша армия судила яснее, чем наша дипломатия, — говорит тот же французский офицер, — русский император имел за себя разум и правду, когда он утверждал, что Турция агонизирует; единственная его вина заключалась в том, что, казалось, он желал поживиться ее остатками, а это не было в интересах остальной Европы... Мы становились покровителями турок, не надеясь получить за это малейшую благодарность»¹².